

Р.Н. ЕВСТИГНЕЕВ

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ *

Евстигнеев Рубен Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института международных экономических и политических исследований РАН. Адрес: 117418 Москва, Новочеремушкинская, 46.

---

* Статья подготовлена на основе выступления на IV Международном симпозиуме "Куда идет Россия?".

Исследование проводится при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 97-02-057).

Интересно взглянуть на российскую трансформацию сквозь призму международного опыта. На мой взгляд, потребность в адаптации такого опыта не могут удовлетворить ни точечный подход (то есть простой перенос на родную почву того, что удалось успешно проделать в других странах), ни всевозможные модели переходного периода, тем более такие, которые не были связаны с выходом из реального социализма.

Международный опыт — проблема более глубокая. В условиях происходящей глобализации экономической жизни прогресс каждого государства как подсистемы ставшей уже единой мировой системы хозяйства во все возрастающей степени зависит от того, как оно умеет вписываться в последнюю. При этом должна "уважаться" преемственность культур и общественных институтов, без чего невозможно подлинное развитие" [1]. Примечательно, что эта мысль прозвучала в ответственном выступлении президента Всемирного банка, постоянно упрекаемого за стремление нивелировать национальную специфику стран под универсальную западную модель. Иными словами, опыт каждой страны следует рассматривать в двух срезах — назовем их условно "системным" и "почвенным". Первый определяет то общее, что объединяет (или должно объединять) в современном мире все страны с переходной экономикой, второй — особенное как форму проявления общего.

Соглашаясь в принципе с рассуждениями о складывающемся ныне "общем проблемном поле Современности" [2], хочу в то же время заметить, что пока трансформирующиеся страны Центральной и Восточной Европы, как и Китай, Вьетнам, азиатские "тигры" и "новые индустриализующиеся страны", именно ради производства "жизнеспособных социумов", а не просто во имя рыночно ориентированных реформ стремятся освоить, прежде всего, самые элементарные формы этого нового пространства — а это и есть те самые общецивилизационные отношения, которые некоторые наши авторы вслед за А.Тойнби называют "провинциальностью Запада". И я, по правде говоря, пока не вижу другой альтернативы для переходных экономик, в том числе для российской.

Нередко высказывается "безобидное", на первый взгляд, мнение, что можно элегантно, без большого методологического и идеологического ущерба, по выражению венгерского ученого Я.Ковача, соскользнуть с концепции *социалистической* к концепции социальной рыночной экономики. Но "социальная рыночная экономика" (если продолжить пользоваться этим немецким термином) не имеет ничего общего с "социальным государством", пытающимся "социально ориентировать" экономику, то есть политически реализовать идею социального. К сожалению, эти два понятия в последнее время сплошь и рядом смешиваются: ратуя за построение у нас *welfare state*, многие авторы реанимируют социал-демократическую идею создания "социального государства". Видный германский экономист К.Херрманн-Пиллат очень четко определяет социальную рыночную экономику (в отличие от "социально ориентированной экономики") как "сознательное политическое формирование хозяйственного порядка с целью

бесконфликтного введения принципиально автономного, саморегулирующегося хозяйственного процесса в общественный порядок" (напомню, что категория "порядок" была введена в научный оборот неолиберальной фрайбургской школой). "Рыночное хозяйство, — продолжает автор, — характеризуется как социальное потому, что социальные проблемы и кризисы часто стоят в центре конфликтов между экономикой и обществом, и они являются симптомами дефицита интегрированности" [3].

Для пояснения своей мысли об общем сосредоточусь на двух проблемах: 1) правомерность разделения происходящих изменений на внутрисистемные и системные и 2) особенности собственно системных изменений в переходный период.

Стало почти общепринятым — не только у нас, но и на Западе, — ставить на одну доску реформы в России, европейских странах и КНР. Из такой подмены понятий следуют, как представляется, ложные выводы об обоснованности (точнее, необоснованности) и перспективах российского выбора. На мой взгляд, Китай еще не вышел из стадии своеобразного варианта "рыночного социализма", именно этим (неполной исчерпанностью возможностей "рыночного социализма") объясняются его нынешние неоспоримые успехи.

Вглядимся, повнимательнее в то, что там происходит. Все еще находясь в полосе экстенсивного развития, неумолимо ведущего к перенакоплению, Китай просто пока не может отказаться от господства государственной собственности на средства производства и других имманентных социализму черт. Вот что говорил по этому поводу всего полтора года назад генсек ЦК КПК Цзян Цзэминь: "Целью реформы экономики Китая является построение социалистической рыночной экономики, а не капиталистического рынка. Важно развивать и укреплять госпредприятия и другие объекты общественной собственности на средства производства, сохраняя главное место общественной собственности в экономике и основную роль государственной собственности. Если последние два элемента будут утрачены, построение социализма с китайской спецификой станет невозможным. Поэтому улучшение ситуации на госпредприятиях (особенно на крупных и средних) — это важный экономический вопрос, от которого зависит развитие народного хозяйства в целом, и политический вопрос, связанный с судьбами социализма в Китае. В процессе построения социалистической рыночной экономики общественный сектор и госпредприятия могут только усиливаться и не должны ослабевать, их преимущества должны проявляться с полной силой" [4].

Не считаю, что было бы серьезным отмахнуться от приведенного тезиса генсека с помощью привычной фразы: "Да на деле у них все совсем не так!" Нет, именно так, и не случайно превращение Гонконга в Сянган совершается под лозунгом "Одна страна — две системы".

Добавим к сказанному еще четыре доказательства внутрисистемного характера китайских преобразований (разумеется, таких доказательств можно привести гораздо больше). *Первое.* "Открытость" экономики касается в КНР пока только специальных прибрежных зон — пусть мощных, но все же анклавов на огромном внутреннем рынке. Институционально экономика остается замкнутой, то есть внутренние и мировые цены никак не связаны друг с другом, а значит, нет и либерализации внешней торговли. Поэтому инвестиции и структура производства не зависят от внешних ценовых сигналов, а осуществляются главным образом по государственным решениям. *Второе.* Разгон "народных коммун" раскрепостил сельское хозяйство, дал импульс развитию местных рынков и ремесел — но одновременно сделал мобильным 75% населения, которое хлынуло в город (после чего в сельском хозяйстве осталось менее 60%), вызвав типичный кризис урбанизации "третьего мира". *Третье.* Частный сектор тесно привязан к государственным фондам ("пусть птичка летает, но — в клетке"), ценообразование и распределение ресурсов, по сути, не подчинены рыночным принципам. *Четвертое.* Незрелость государственной системы социального обеспечения, когда его основным компонентом выступает семья, в краткосрочном периоде, конечно, высвобождает ресурсы для накопления и роста, однако в перспективе экономический эффект от такого накопления может быть сведен на нет социальным взрывом.

Все эти факты говорят о том, что внутрисистемные изменения в КНР (как это было в свое время и в странах Центральной и Восточной Европы, и в России горбачевского периода) чреваты нарастанием нестабильности. Можно, очевидно, утверждать, что призывы к внедрению у нас "китайской модели", то есть возвращению в полосу развития, которую мы, худо-бедно, но уже прошли, следует расценивать, по меньшей мере, как неразумные. Сегодня для России (как, впрочем, уже и для Китая) вопросы о том, начинать

ли реформу с политики или экономики, с сельского хозяйства или промышленности, проводить ли стабилизацию методом "шоковой терапии" или постепенно, представляют уже чисто исторический интерес. Для Китая актуальной становится подготовка к неотвратимым системным изменениям, а для России — переход от первых грубых шагов по налаживанию рыночных отношений к более тонкой настройке всех элементов реформы.

Теперь о собственно системных изменениях в переходный период. Здесь главной мишенью для критики является, как известно, монетаристская концепция. Но не понимается ли монетаризм только как автономизация предприятий? Ведь главное в нем (как, кстати, и в кейнсианстве) не это, а рыночная макроструктурность, требующая соответствующих механизмов макроэкономической политики. Этого пока нет. Потому ни макрорегулирование предложения, ни макрорегулирование спроса "работать" в нынешних российских условиях не могут. Так стоит ли валить на монетаризм все беды, не в исполнителях ли дело?

Либерализация цен, внутренней и внешней торговли стала решающим фактором отрыва от распределительной системы и налаживания рыночных отношений во всех странах. Однако в России, например, либерализация была проведена слишком огульно. У нас, к сожалению, не использовались на старте, как в Чехословакии или Польше, так называемые "номинальные якоря" — фиксированный валютный курс и регулирование доходов. Однако при чем тут сама концепция?

А взять финансовую стабилизацию: разве не стала концентрация внимания на бюджете бесспорным достижением реформ? Даже если не везде удалось саму стабилизацию обеспечить? Иногда, желая посрамить монетаризм, приводятся различные статистические выкладки, в которых при внимательном прочтении оказывается необходимым поменять знак "плюс" на "минус". Например, сравнение уровня и динамики доходов и расходов расширенного госбюджета в ВВП показывает, что степень вовлеченности государства в экономический оборот в Польше, Венгрии, Чехии и Словакии значительно выше, чем в Болгарии и Румынии. А показатели инфляции и спада — неизмеримо выше в последних двух странах. Вот вам и следствие ухода государства из экономики! Но не говорит ли этот факт совсем о другом — о том, насколько грамотно или неграмотно происходит самоустранение государства из экономики? О высокой грамотности, отличавшей политику финансово-денежной стабилизации в первых четырех странах, хотя и проявлялась она в них по-разному? И о беспорядочности, излишней поспешности при слабом тыле — в Болгарии, Румынии и, конечно, у нас в России? Как отметил А.Ослунд еще в 1993 году, "Россия в большей степени, чем Восточная Европа, нуждается и в более либеральной системе, и в демократии из-за своей относительной институциональной отсталости. Чем хуже старая структура, тем острее необходимость в ее радикальном изменении. Другое дело, что большинство ошибок чаще всего совершается именно при плохих исходных условиях, но это не значит, что нужно идти по неверному пути" [5].

Альфой и омегой рыночной трансформации является, как известно, приватизация. Во всех постсоциалистических странах она сыграла важнейшую роль в преодолении всеобщего огосударствления, хотя идея массовой приватизации, например, через какое-то время с неизбежностью улетучилась. На ее место пришла сегодня идея реструктуризации крупных предприятий. И здесь впереди всех оказалась Чехия, где, по прогнозу Международного банка реконструкции и развития, к 2000 году только 5% предприятий будет угрожать неплатежеспособность. В Словакии соответственно — 9%, Венгрии — 12%, Польше — 19% и в Болгарии — 39% [6]. Можно, конечно, интерпретировать эти цифры таким образом, что Чехия, вопреки монетаристским рецептам, занимается "постоянным вливанием денег в находящиеся в трудном положении предприятия". "Правда, поступают эти вливания не из госбюджета и не в виде централизованных кредитов Центрального банка, а от коммерческих банков" [7]. Так в этом-то все и дело! Просто Чехия более обдуманно, чем другие страны, на основе более последовательного проведения монетаристской концепции подошла к приватизации, начав загодя, еще до ее первого этапа, осуществлять организационно-управленческую и финансовую реструктуризацию своих предприятий.

С точки зрения способов реализации монетаристских рецептов, а не их заведомой порочности, следует подходить, если воспользоваться термином Я.Корнай, и к "трансформационному спаду". Без него немислима структурная перестройка — но насколько учитываются при этом социальные ограничители экономических

преобразований? Не парадоксально ли, что на последних выборах в Болгарии и Румынии социалисты (!) проиграли либералам именно по той причине, что вышли за пределы этих ограничителей, не подключили социальные амортизаторы реформ? Причем Румыния — сохраняя последние четыре года положительные приросты ВВП (кстати, вот лишний повод всем нам задуматься над проблемой качества роста).

Итак, общим для трансформирующихся экономик (в том числе, естественно, и российской) является переход от внутрисистемных изменений к системным и постепенная эволюция последних. Представляется, что в России в основном уже произошла замена начальных приоритетов реформы (либерализация — стабилизация — приватизация — институциональные изменения) на новые (мелкий и средний бизнес — финансовый капитал — государство как новый рыночный макро субъект — производительный капитал). Не надо бояться крепнущего на этом этапе олигопольного рынка, связанного со сращиванием государства с финансовым капиталом. Безусловно, государство не должно бежать назад, к административной централизации, но оно и не должно уходить из экономики, ограничиваясь только регулированием общих правил поведения предприятий и защитой прав собственности на всех уровнях. Оно просто обязано включиться, наряду с другими секторами, в рыночную структурную перестройку в качестве финансового макросубъекта. Только на этом пути перехода к рыночной экономике макроуровня возможны действительная капитализация экономики, формирование механизмов инвестирования и роста и со ответственно — смена центробежных сил реформы центростремительными. А это, в свою очередь, означает, что преодоление "трансформационного спада" тождественно переходу ре формы от первого ко второму этапу.

Возможно, в малых странах Центральной и Восточной Европы, по отношению к которым мировой рынок выразительно выполняет свои критериальные функции, нет необходимости в таком повышенном внимании к роли государства, как в России. Но в нашей стране восстановить экономический рост на рыночной основе без помощи государства в указанном выше смысле вряд ли удастся.

Выше говорилось главным образом об общем для трансформирующихся экономик и лишь постольку-поскольку — об особенном. Отчасти восполним этот пробел, тем более что в публикациях Всемирного банка и в трудах некоторых отечественных экономистов "почвенный" фактор до сих пор явно недооценивается (вводятся, например, универсальный для всех стран мира "коэффициент либерализации" и другие подобные индикаторы, по которым оценивается продвинутость реформ). А как показывает опыт, без учета этого фактора системные изменения не только не работают, но иногда способны давать даже противоположный эффект. При том роль "почвенного" фактора, как представляется, тем выше, чем больше масштабы страны. Не этим ли, в частности, объясняется более заметный, чем в европейских странах, нынешний всплеск интереса к новому институционализму и эволюционной политической экономии в Китае и России?

С моей точки зрения, "почвенный слой" России, бесспорно, характеризовался и соборностью (общин-ностью, коллективизмом, православным менталитетом) и патернализмом как ее оборотной стороной. Но думаю, что этот "пассивный" (в отличие от "актив-ного" западного) ресурс за последние десятилетия мы уже выбрали основательно. И не он является сегодня тем главным "почвенным" фактором, который будет определять специфику системных изменений, "особый путь" страны в ближайшие годы (происходящая смена поколений ставит последнюю точку в этом споре).

Таким фактором следует признать наличие в нашей (только в нашей) стране мощного, хотя и заметно подорванного в последнее время, индустриального ядра — и обширной периферии экономики в виде мелкого и среднего производства.

Периферия относительно легко адаптировалась к условиям свободного рынка, а индустриальное ядро переживает тяжелый кризис, будучи неспособным войти в рынок через капитализацию своих доходов. Поэтому для России вопрос заключается в том, как непосредственно капитализировать производственный потенциал, то есть активы крупных предприятий. Пока изыскиваются квази-формы такой капитализации, о чем здесь уже говорилось, но этот путь связан с гигантскими транзакционными издержками. И в этом — в трагическом разрыве между ядром и периферией — главный камень преткновения и вместе с тем основная специфика российской экономической реформы.

ЛИТЕРАТУРА

1. James D. Wolfenson, President of the World Bank Group. Address to the Board of Governors. Washington, D.C., October 1, 1996. P. 2.
2. Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: Аспект- Пресс, 1996.С. 498.
3. Социальная рыночная экономика в Германии и экономическая трансформация в России. Совместное издание общества Карла Дуйеберга и Института Европы РАН / Под общ. ред. проф. Х.Х.Хеманна. Кельн-Москва, 1996. С. 284.
4. Жэньминь жибао. 1995. 13 июля.
5. Андерс О. Шоковая терапия в Восточной Европе и России. М: Республика, 1994. С. 9.
6. Пол Г., Дьянков С, Андерсон Р. Реструктуризация крупных промышленных предприятий в Центральной и Восточной Европе // Всемирный банк. 1996. С. VIII.
7. Некипелов А.Д. Опыт реформирования экономик Центральной и Восточной Европы // Проблемы прогнозирования. 1990. № 6. С. 144.